

УДК 902

В.В. Бобров

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ В СИБИРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Методологическая позиция исследователя опосредована отношением к предмету науки, задачами уровня познания и, наконец, общеисторической и теоретической профессиональной подготовкой. Исходя из задач исследования, она может представлять собой совокупность методов (анализ свойств источников) или конкретное философское учение (объяснение источника и реконструкция исторических явлений). Критика использования понятия «диффузия» в археологических исследованиях и палеогеографических реконструкций.

Ключевые слова: методология, метод, теория, реконструкция, археологический источник.

Коренные перемены в социально-экономической системе Российского государства, которые произошли в начале 1990-х гг. и которые в несколько трансформированном и «облегченном» варианте продолжают до настоящего времени, сопровождались государственным прессингом на марксистско-ленинскую идеологию и, в целом, на материалистическое учение. Идеологический кризис 1990-х гг., растянувшийся на два десятилетия, на мой взгляд, вызвал методологический кризис в гуманитарных и общественных науках. Каковы масштабы его последствий – сказать трудно. Ясно одно, что не все отказались от принципов диалектического и исторического материализма. Поиск общенаучной методологии, особенно в истории, в некоторых случаях приводил к курьёзным пассажам. Достаточно напомнить монографию Е.Б. Черняка «Цивилиография». Академик А.О. Чубарьян на десятилетии Института археологии и этнографии СО РАН дал следующий комментарий этому поиску: к концу 1990-х гг. историки пришли к мысли о правомерности существования разных философских учений как методологии гуманитарных наук. Отметим, что идеологическая «ломка» первого десятилетия пришлась на советские кадры гуманитарной науки, достижения которой умалить не удастся даже за «тридцать сребреников». В меньшей степени, чем в других гуманитарных науках, методологический кризис сказался на археологической науке.

Ко второму десятилетию XXI в. ряды специалистов археологов, историков, филологов существенно пополнили молодые кадры, формирование гуманитарного и научного мышления которых как в системе общего, так высшего образования приходилось на годы методологического кризиса. Их методологическую подготовку лучше всего демонстрируют рефераты диссертаций. В процедуре защиты диссертации предусмотрено обоснование

методологии исследования. В подавляющем большинстве работ на соискание ученой степени кандидата наук она сводится к совокупности методов, среди которых, как правило, собственно археологических – 2–3. Эту совокупность вряд ли можно считать методологией конкретной науки. Тем более, когда речь идет об археологии, органично сочетающей предмет исследования с культурологией, историей и социологией. Реже в авторефератах в рубрике методология указаны принципы историзма или структурализма. Однако на деле от констатации до практической реализации этих принципов, как писал классик, – дистанция огромного размера. Правомерно ли ограничивать методологию совокупностью методов и стоит ли за этой тенденцией философский нигилизм?

Ответ на этот вопрос зависит от отношения исследователя к предмету археологической науки. Л.С. Клейн, рассматривая методологическую природу археологии, утверждает её источниковедческий, прикладной характер, но допускает возможность «...за сохранившимися вещами, остатками и следами увидеть древние явления, события и процессы» [1. С. 93–95; 2. С. 162]. Он считает, что археология является «...особой методологически самостоятельной частной общественно-исторической дисциплиной», за пределами компетенции которой находится объяснение причин реконструируемых исторических явлений и выявление законов общественного развития [2. С. 76]. Тем не менее общий настрой теоретического решения проблемы реконструкций в археологии Л.С. Клейна достаточно пессимистичен. Не касаясь рассуждений и полемики о предмете археологии, можно утверждать, что её характер зависит от того, какой историко-хронологический период она изучает: самостоятельный – при изучении дописьменной истории, вспомогательный, когда исследует комплексы периода письменной истории (античность,

Средневековье, Новое и даже Новейшее время). В рамках узкой специализации может сформироваться и особое отношение к предмету археологии. Следует также иметь в виду, что методологическая позиция исследователя зависит и от уровня познания в археологической науке, которые являются общепризнанными.

В период активного обсуждения историзма археологической науки, который пришёлся на 1970-е гг., В.М. Массон одним из первых предложил рассматривать в процедуре научного исследования два уровня: источниковедческий и интерпретационный, или реконструктивный [3. С. 12–14]. Это теоретическое положение стало общепринятым среди специалистов. Разделяю точку зрения А.П. Деревянко и А.Л. Симанова о том, что сводить археологию только к первому уровню было бы неправильным [4. С. 258]. Все же археология выполняет свою основную функцию, а не вспомогательную, познавая наиболее длительный период в истории человечества до возникновения ранних государств. Можно ли представить развитие знаний об истории первобытного общества без археологии? Или следовать опыту стран Старого и Нового Света и заменить историю понятием «доистория»? А тенденция к этому уже наметилась и в последние годы особенно становится популярной, особенно у отечественных политиков.

Таким образом, методологическая позиция исследователя опосредована отношением к предмету науки, задачами уровня познания и, наконец, общеисторической и теоретической профессиональной подготовкой. Последнее обстоятельство особенно вызывает тревогу в связи с непредсказуемыми последствиями реформирования высшего образования в нашей стране. Столь пространное вступление было необходимо потому, что оно призвано обозначить теоретическую позицию автора к основополагающим принципам и понятиям археологической науки. В сибирской археологии проблемы методологии рассматривались очень редко. Примечательно, что этой проблематике было посвящено V западносибирское совещание археологов и этнографов, которое состоялось более 30 лет назад в г. Томске [5. С. 3–7; 6. С. 7–11; 7. С. 125–128].

Несомненно, когда проводится исследование археологических комплексов, в составе которых только вещи, реже объекты (жилище, поселение, погребение и т.п.), основной задачей является анализ их морфологии, элементов, свойств. Анализ археологического источника основан на комплексе методов, среди которых широкий круг естественнонаучных, количество которых постоянно

увеличивается. Прогрессивное развитие естественных наук, сопровождающееся совершенствованием материально-технической базы, создает условия для использования их достижений в археологической науке. Такая интеграция ориентирована на расширение информативных возможностей археологического источника или достоверных сведений о нём [8]. В качестве примера можно привести анализ керамики – наиболее массовый источник, начиная с эпохи неолита. Он включает в себя такие морфологические признаки, как общая форма, вид дна сосуда, а в некоторых случаях его форма, форма обреза венчика, наличие особых деталей. Если керамика содержит орнамент, то анализируется техника его нанесения, пространственное размещение (вся поверхность сосуда орнаментирована, частично и какая его часть), орнаментальный элемент и мотив, композиция, зональность и т.д. Эта процедура научного исследования основана на собственно археологических методических принципах и подходах. Но при исследовании технологии производства керамической посуды требуется использование естественнонаучных методов, не говоря уже о её датировании. В одном и другом случае методологию исследования определяют методы. Анализом свойств и систематикой археологических источников не исчерпываются познавательные функции археологии.

Как только специалист ставит проблему объяснения, то он вынужден использовать совершенно иные подходы. Это касается даже таких простых, на первый взгляд, вопросов, как происхождение того или иного предмета. Это объяснение будет иметь историческое содержание, так как оно может включать результат обмена, заимствования, миграции групп населения, автохтонного развития материальной культуры. Более сложная процедура научного исследования связана с выявлением и объяснением археологических культур или исторических процессов. Можно ли это сделать, используя традиционные вещеведческие методы? Вряд ли. С их помощью на источниковедческом уровне формируются археологические факты и данные, составляющие основу вариативного восстановления исторических явлений. Поэтому в какой-то степени сомнительна позиция О.М. Аношко, предлагающая теоретико-методологические основы процесса урбанизации на источниковедческих подходах [9. С. 4–12]. Соответственно, объяснение или интерпретация предметов, материальной культуры в целом, реконструкция явлений содержат общенаучную методологическую позицию исследователя. Заимствованные из зарубеж-

ной археологии понятия «диффузия», «диффузионные процессы», встречающиеся в отечественной археологической литературе, в том числе западно-сибирской, не объясняют происхождение предметов, так как их распространение происходит не механически, а в результате осознанных и избирательных действий человека.

Другим аспектом, который вызывает некоторое критическое отношение, являются палеогеографические реконструкции. М.Ф. Косарев является одним из первых специалистов, активно внедрявших так называемый экологический подход в археологические исследования [10; 11. С. 20–22]. При этом он сторонник относительно радикальных взглядов на изменения границ ландшафтов в период многовековых климатических циклов, допуская, вслед за А.В. Шнитниковым, взаимопроникновение степных и лесных ландшафтов. Идею взаимопроникновения разделял В.И. Матющенко, которую он высказал в дискуссии на одной из конференций. По их мнению, экологический аспект выражен в приспособлении населения к изменяющейся среде за счет развития рациональной отрасли хозяйства [11. С. 22]. В западносибирской археологии постсоветского и капиталистического периода этот аспект приобрел иной характер. В качестве примера приведу цитату: «Перестройка ландшафтов, смена видового состава промысловых животных повлекли за собой изменения в каменной индустрии, быте, хозяйстве и, видимо, социальной организации коллективов» [12. С. 140]. В этой же работе можно увидеть, что наиболее значительные климатические колебания и изменения ландшафтов влияли на социально-экономические и этнокультурные процессы [12. С. 130]. В одной диссертационной работе на соискание ученой степени кандидата географических наук, в которой привлечена археологическая периодизация Среднего Приобья, позиция автора выражена четко: палеоклиматические и ландшафтные изменения детерминировали развитие культуры древних народов, а точнее природный фактор жестко детерминировал все проявления социума [13. С. 3–21]. Тенденция к географическому детерминизму достаточно очевидна. В советской историографии эта философская концепция получила исчерпывающую критическую оценку, и вряд ли есть смысл к ней возвращаться. В связи с этим можно сослаться на обоснование М.Ф. Косаревым экологического подхода [14. С. 5–10]. Экологический подход в археологических исследованиях невозможен без палеогеографии, поскольку речь идет о взаимодействии человека и природы. Кстати, эта проблема имеет историческое содержание,

что возвращает нас к предмету археологии. Палеогеографические исследования в археологии не дань «моде», не поиск причин исторических явлений, а восстановление среды обитания с её ресурсами для жизнедеятельности. Именно такой ракурс определен в исследованиях восточносибирской археологии, опыт которой следовало бы распространить в археологии Западной Сибири. Тем более, что хороший задел сделан специалистами Института проблем освоения севера СО РАН [15].

В заключение отметим, что отношение к понятию «методология» зависит от взгляда специалиста на предмет археологической науки. Независимо от этого на источниковедческом уровне исследования методология есть комплекс методов, ориентированных на познание свойств археологических предметов. На интерпретационном уровне методологию составляют философские учения и концепции, которые существовали, существуют и будут существовать. Источниковедение не самоцель археологической науки, а этап, результаты и данные которого нуждаются в интерпретации. Восстановление истории и есть предмет археологии, тем более что специалист-археолог имеет историческое образование. Но эта история в отличие от письменного периода не индивидуализированная. В аспекте методологии науки я не разделяю диффузионной теории, заимствованной из зарубежной археологии, как и понятий «доистория», «предыстория», и преувеличения роли географического фактора в историческом развитии древних обществ.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Клейн Л.С.* Методологическая природа археологии // РА. 1992. № 4. С. 86–97.
2. *Клейн Л.С.* Введение в теоретическую археологию. Кн. 1: Метаархеология. СПб.: Бельведер, 2004. 470 с.
3. *Массон В.М.* Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л.: Наука, 1976.
4. *Деревянко А.П., Симапов А.Л.* Методологические проблемы археологического исследования // Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск: Наука, 1983. С. 251–260.
5. *Косарев М.Ф.* Некоторые методологические проблемы западносибирской археологии // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 3–7.
6. *Матющенко В.И., Глушков И.Г.* Некоторые методологические вопросы археологических исследований в Западной Сибири // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 7–11.
7. *Богомолов В.Б., Томилов Н.А.* Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. С. 125–128.

8. Методы наук о земле и человеке в археологических исследованиях. Новосибирск: НГУ, ИАЭТ СО РАН, 2012. 420 с.
9. *Аношко О.М.* Теоретико-методологические и методические основы процесса урбанизации Сибири // *Ab origine*. Тюмень: ТюмГУ, 2012. С. 4–12.
10. *Косарев М.Ф.* Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 219 с.
11. *Косарев М.Ф.* Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 278 с.
12. *Зах В.А.* Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
13. *Середовских Б.А.* Козволюция человека и природной среды в Среднем Приобье в связи с биосферно-климатическими перестройками: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Ханты-Мансийск, 2011. 22 с.
14. *Косарев М.Ф.* Западная Сибирь в древности. М.: Наука, 1984. 245 с.
15. *Зах В.А., Зимина О.И., Рябогина Н.Е., Скочина С.Н., Усачева И.В.* Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск: Наука, 2008. 212 с.